РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:821.161.1-31
ББК Ш41.12-51+Ш33(2Рос=Рос)63-8,44

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.01

И. И. Бакланова
Москва, Россия

ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ОБРАЗ АВТОРА И ОБРАЗ АДРЕСАТА (НА МАТЕРИАЛЕ ОБСУЖДЕНИЙ РОМАНА В. ГРОССМАНА «ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО»)

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования является имплицитное отражение в публичных выступлениях советского периода образов их авторов и их предполагаемых адресатов. Материалом для анализа послужили записи заседаний по обсуждению романа В. Гроссмана «За правое дело», первое из которых состоялось 13 октября 1952 года в связи с выдвижением романа на Сталинскую премию, а второе — 16 января 1953 года в связи с началом кампании по «делу врачей». Показано, что образ автора может быть выведен из содержания текста на основании разработанной Б. А. Успенским типологии точек зрения наблюдателя, с позиций которого ведется повествование, а образ адресата можно определить на основании постулатов речевого общения Г. П. Грайса и сведений о том, каким способом подается информация в тексте. Как показал анализ, выведенные образы авторов выступлений указывают на приверженность советских писателей принципу партийности советской риторики, а выведенный образ адресата позволяет заключить, что адресатом выступлений являлись не участники заседаний, а властные структуры, в благосклонности которых авторы выступлений были остро заинтересованы. Во время первого заседания его участники были осведомлены об официальной положительной оценке романа, вследствие чего свободно и искренне высказывали различные аргументы в ее пользу, показывая свою приверженность к разным критериям оценивания литературного мастерства. Во время второго заседания его участники были осведомлены об официальной негативной оценке романа, вследствие чего, соблюдая видимость обсуждения, аргументировали ее произвольными доводами, носившими голословный характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ автора; образ адресата; публичные выступления; советский период; политический дискурс; политическая риторика; русская литература; русские писатели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Бакланова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; 115409, Россия, Москва, Каширское шоссе, 31, комн. А-320; e-mail: ibaklanova@yandex.ru.

Нет, никакая не свеча —
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал —
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму и не в Сучан,
Не к высшей мере!

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу —
Голесованьем.

Александр Галич. Памяти Б. Л. Пастернака

1. Введение

О характере исторической эпохи можно судить не только по свершившимся фактам, но и по особенностям присущей этой эпохе публичной речи, в частности по имплицитному отражению в речи образов ее автора и ее предполагаемого адресата, методами объективного анализа которого в публицистическом тексте располагает современная лингвистика.

Цель данной статьи — вывести из текстов речей членов Союза советских писателей, произнесенных на публичных обсуждениях романа Василия Гроссмана «За правое дело» в 1952 и 1953 гг., имплицитно отраженные в этих текстах образы их авторов и предполагаемых адресатов и на основании полученных сведений попытаться объяснить

специфические особенности публицистического дискурса советского периода.

Материалом для исследования послужили воспоминания А. Берзер об обсуждениях романа В. Гроссмана «За правое дело» и сделанные ею записи выступлений советских писателей [Берзер 1990].

2. Источники сведений об образе автора и образе адресата нехудожественного текста

Как было установлено, в любом нехудожественном тексте получает имплицитное отражение образ его автора и образ его предполагаемого адресата [Бакланова 2012; Бакланова 2013; Бакланова 2014]. При этом источником сведений об образе автора тек-

ста может служить теория точек зрения, разработанная Б. А. Успенским применительно к художественным текстам [Успенский 1995], а источником сведений об образе предполагаемого адресата текста — постулаты речевого общения Г. П. Грайса [Грайс 1985]. Имплицировано отраженные в тексте образы его автора и предполагаемых адресатов являются частью имплицитного содержания, передача которого не входит в коммуникативные намерения отправителя текста [Федосюк 2012].

Сначала охарактеризуем источники сведений об имплицитно отраженном образе автора текста.

Б. А. Успенский, опираясь на работы М. М. Бахтина [Бахтин 1996] и В. В. Виноградова [Виноградов 1971; Виноградов 1980], показал, каким образом в художественном тексте отражается информация о позиции того наблюдателя, с точки зрения которого ведется повествование. Б. А. Успенский выявил четыре аспекта художественного текста, в которых может проявляться точка зрения повествователя: *план идеологии, план фразеологии, план пространственно-временной характеристики и план психологии*.

План идеологии, по мнению Б. А. Успенского, содержит оценки, по которым можно судить о том лице, с позиции которого ведется изложение. План фразеологии содержит совокупность приемов словесного выражения, свойственных персонажу, на основании которых можно судить об этом персонаже. План пространственно-временной характеристики содержит сведения о характере описываемых событий, на основании чего можно говорить о позиции, занимаемой наблюдателем. И наконец, план психологии, по мнению исследователя, содержит сведения о внутреннем состоянии персонажей, на основании чего можно составить мнение об этих персонажах.

В публицистических текстах тоже есть повествователь, поэтому логично предположить, что его образ отражается в тексте примерно в тех же аспектах, которые были выявлены Б. А. Успенским. Учитывая, что в публицистических текстах содержание излагается не с точки зрения вымышленных персонажей, а с точки зрения реальных авторов, будем называть *план идеологии* — **планом оценки**, *план фразеологии* — **планом выбора языковых средств**, для обозначения *плана пространственно-временной характеристики* используем термин И. Р. Гальперина *фактуальная информация* [Гальперин 1981] и назовем его **планом фактуальной информации**, а название *плана психологии* оставим без изменения.

На основании плана оценки по высказанным автором оценкам можно составить представление о его взглядах и системе ценностей.

На основании плана выбора автором языковых средств можно судить о его языковой личности: о его лексиконе, о степени владения литературным языком и его функциональными стилями, а также нелитературными разновидностями языка, теми или иными терминсистемами, иностранными языками и т. п., а также о его темпераменте и уровне речевой культуры [Гольдин, Сиротина 1993].

На основании плана фактуальной информации по изложенным автором фактам можно сделать выводы о биографических данных автора, о его жизненном опыте, о характере его знаний, кругозоре и сфере его интересов.

На основании плана психологии по выраженным автором чувствам и эмоциям в тот или иной момент можно составить представление о его характере и психологии.

Рассмотрим два примера выведения из нехудожественного текста — текста мемуаров — образа его автора.

«Мы идем по самой середине мостовой, но машины нас не обгоняют и никто не попадает навстречу — улица Ордынка совершенно пуста и *разукрашена красными тряпками*. Из репродукторов доносится бравурная музыка. Это 1 Мая. <...> А потом возле мавзолея будет *„демонстрация трудящихся“*, и сюда хлынут толпы оживленных людей *с бумажными гирляндами столь же ненатуральными, как их патриотические чувства...*» [Ардов 2001: 133].

Данные автором оценки: многочисленные флаги на улице названы *красными тряпками*, выражение *демонстрация трудящихся* взято в кавычки как не соответствующее его истинному содержанию, патриотические чувства названы *ненатуральными* и сопоставлены с бумажными гирляндами — все это дает основание вывести из текста имплицитную информацию о том, что автор текста негативно оценивает коммунистический режим в СССР и советские праздники.

«*Потом я часто задумывалась, надо ли выть, когда тебя избивают и топчут сапогами. Не лучше ли застыть в дьявольской гордыне и ответить палачам презрительным молчанием? И я решила, что выть надо.* В этом жалком вое, который иногда неизвестно откуда доносился в глухие, почти звуконепроницаемые камеры, сконцентрированы последние остатки человеческого достоинства и веры в жизнь. Этим воем человек оставляет след на земле и сообщает людям, как он жил и умер. Воем он отстаивает свое право на

жизнь, посылает весточку на волю, требует помощи сопротивления. Если ничего другого не осталось, надо выть. Молчание — настоящее преступление против рода человеческого» [Н. Мандельштам].

С точки зрения плана психологии, на основании того, что автор ставит перед собой страшный вопрос, отвечает на него и аргументирует ответ, из текста можно вывести имплицитно отраженный в нем образ автора: автор не отделяет свою жизнь от жизни государства и пытается осознать происходящее и выработать тактику поведения в непростое время.

Охарактеризуем теперь источники сведений об имплицитно отраженном в тексте образе предполагаемого адресата.

Основой для выведения имплицитно отраженного в публицистическом тексте образа предполагаемого адресата могут служить постулаты речевого общения Г. П. Грайса, реализующие так называемый принцип Кооперации, который требует от любого участника общения такого коммуникативного вклада на каждом шаге диалога, какое определяется совместно принятой целью этого диалога. Это постулаты *категории Количества, категории Качества, категории Отношения и категории Способа* [Грайс 1985]. Согласно Г. П. Грайсу, при соблюдении принципа Кооперации подсознательная осведомленность говорящего и слушающего о постулатах дает им широкие возможности для имплицитной передачи информации и ее восприятия. Но, с нашей точки зрения, справедливо и обратное: при условии соблюдения постулатов речевого общения содержание и форма текста могут служить источником информации о предполагаемом адресате.

Как было показано [Бакланова 2012; Бакланова 2013; Бакланова 2014], на основании постулатов категории Количества можно судить о степени осведомленности предполагаемого адресата о содержании передаваемых ему сведений. Свернутая информация указывает на то, что, по мнению отправителя текста, многие ее компоненты уже знакомы предполагаемому адресату. Подробное изложение отправителем текста элементов передаваемой информации позволяет утверждать, что она, скорее всего, является новой для адресата.

На основании постулатов категории Качества можно судить о полноте доверия адресата отправителю текста: отсутствие аргументации указывает на то, что, по мнению отправителя текста, передаваемое утверждение не вызовет у адресата сомнения в его истинности; наличие аргументации, напротив, свидетельствует о том, что адре-

сат может усомниться в истинности передаваемой ему информации.

На основании постулата категории Отношения можно судить о характере понимания адресатом логической структуры этого текста: отсутствие метатекста предполагает адресата, способного легко установить смысловые связи между частями текста; наличие метатекста, как правило, свидетельствует о том, что текст предназначен адресату, затрудняющемуся в определении этих смысловых связей.

На основании постулатов категории Способа можно судить о том, известны или неизвестны адресату употребленные в тексте лексические средства: отсутствие объяснения отправителем текста значения использованных им языковых средств говорит о том, что его предполагаемому адресату их значение известно; наличие объяснения, напротив, свидетельствует о том, что его адресат, скорее всего, незнаком с этими значениями.

Очевидно, что присутствовавшие на заседаниях писатели были осведомлены о теме заседаний и не испытывали затруднения в восприятии звучащих речей, поэтому в статье мы ограничимся анализом характера писательской аргументации, которая строится на основании постулатов категории Качества и представляется главным источником сведений об образах их авторов и предполагаемых адресатов [ср. Баранов 1990; Мищук 2014].

С. И. Поварнин говорил о воздействии аргументации на адресата следующее: «Желая *убедить* кого-нибудь, выбираем доводы, которые должны казаться наиболее убедительными *ему* <адресату>. Желая *победить* противника, выбираем доводы, которые более всего могут поставить *его* в затруднение» <здесь и далее курсив С. И. Поварнина. — И. Б.> [Поварнин 1994: 36].

Ниже мы рассмотрим образы авторов и предполагаемых адресатов выступлений, прозвучавших на двух заседаниях по обсуждению романа В. Гроссмана «За правое дело», первое из которых состоялось 13 октября 1952 г. в связи с выдвижением романа на Сталинскую премию, а второе — 16 января 1953 г. в связи с началом кампании по «делу врачей». Тексты каждого из заседаний мы будем рассматривать по одинаковым схемам: сначала выводим из каждого выступления образ его автора, а затем — образ предполагаемого адресата.

3. Образы авторов и адресатов выступлений на заседании 13 октября 1952 года

Обратимся к выведению образов авторов выступлений.

А. Берзер вспоминает, что роман В. Гроссмана «За правое дело» печатался в журнале «Новый мир» в течение 1952 г. в четырех номерах — с 7-го по 10-й. «А 13 октября 1952 года собирается секция прозы Союза писателей для обсуждения романа В. Гроссмана „За правое дело“ и для выдвижения романа на Сталинскую премию по прямому указанию А. А. Фадеева» [Берзер 1990: 147]. Из этого следовало, что власть роман одобряет [ср.: Червински 2010]. Поэтому писатели, чувствуя себя свободно, искренне высказывали свои оценки и аргументировали их.

«Первым, — вспоминает А. Берзер, — взял слово активно печатавшийся в те годы театральный критик Иван Чичеров. Он начал с замечательной цитаты из Толстого: **„Я давно уже составил себе правило судить о всяком художественном произведении с трех сторон. Во-первых, со стороны содержания — насколько важно и нужно людям то, что с новой стороны открывается художником, потому что всякое произведение искусства, когда оно открывает новую сторону жизни; во-вторых, насколько хорошо, красиво соответственна содержанию форма этого произведения; и в-третьих, насколько искренне отношение художника к своему предмету, то есть насколько он верит в то, что изображает, где сказывается его любовь и ненависть“**. <...>

С этих высоких толстовских позиций Чичеров обращается к роману „За правое дело“, „с трех сторон“, как сказал Толстой, и делает вывод, что это **„высокохудожественное произведение“**. И такие, вполне искренние, слова: **„Многое, что Гроссман очень тонко и умно заметил, я почувствовал, что это то, что и я чувствовал, а сформулировать не мог...“** [Там же: 148].

На основании выделенных слов можно сказать, что их автор главным критерием оценивания художественных произведений считает классические принципы Л. Н. Толстого, в частности для автора важны новизна содержания произведения, форма и ее соответствие содержанию и искренность отношения к предмету описания. В то же время автор критичен в оценке своих писательских способностей.

«Слово берет, — продолжает А. Берзер, — Иван Тимофеевич Козлов, — в те годы ответственный работник Воениздата, редактор романа Гроссмана, за что его ждут увольнение и расплата. Он говорит,

что может привести множество примеров, сцен, эпизодов — удивительно верных по их соответствию правде жизни и правде войны. Удивительно точных... И добавляет: **„В этом смысле я не знаю, в чем можно упрекнуть Гроссмана. Он об этом хорошо написал. По психологии героев, по пейзажам, по военным и батальным сценам, — эта книга удивительно правдива“**.

И еще одно ценное свидетельство. Козлов вспоминает **„Повесть о настоящем человеке“** Полевого.

Там написано: **„Танки ворвались в населенный пункт и ведут огонь со всех видов бортового оружия.“** И поясняет: **„У танков бортового оружия нет.“**

„Таких вещей в романе Гроссмана нет“, — заключает Козлов» [Там же: 148—149].

Как видно, для автора выделенных слов одним из критериев оценивания художественного произведения является правдивость изображения и внимание к деталям.

«Слово берет писатель Авдеенко, автор повести „Я люблю...“. Он произносит замечательную речь, живую и непосредственную. И очень искреннюю.

„...Что бы я ни делал, вся моя душа рвется к этому роману ... Я уверен, что не найдется человека в мире, который, прочтав начало романа, не захотел прочитать его до конца...“

И далее так благородно: **„Я считаю себя писателем неплохим, как и вы все, но считаю, что я не дорос еще до написания такой книги. Я не боюсь сказать все хорошие слова в адрес этой книги... Я считаю, что это замечательная книга. У меня не хватает эмоций, умения, разумения, может быть образования, чтобы оценить полностью эту книгу“**.

Авдеенко приводит цитаты из романа Гроссмана, читает их, восхищается ими. И заключает:

„Еду ли я по Москве, завтракаю ли или еще что-то делаю, весь строй моих мыслей вращается вокруг этого произведения“. <...>

Авдеенко напоминает, что роман Гроссмана в номере 10 „Нового мира“ оказался рядом с романом Симонова. И говорит, что Симонову невыгодно такое соседство. У Симонова, говорит он, **„роман плоский, как монгольская пустыня...“** [Там же: 150].

Для автора выделенных слов одним из критериев оценки художественного произведения является эмоциональное воздействие на читателя.

«Гоффеншефер — знающий и серьезный критик <...>: „...Я поражаюсь, как Гроссман восстановил эту картину боя, не заложив в нашу душу сомнения в правдивости изображения. Эта сцена написана кровью сердца, только художник, который вжился всем своим существом в ощущение солдата, мог создать такой эпизод, и мне кажется, что он является типичным для манеры художника Гроссмана“» [Там же: 151].

Для автора выделенных слов одним из критериев оценки художественного произведения является правдивость и психологизм изображения.

Как видно, получив от власти положительную оценку романа в виде выдвижения его на Сталинскую премию, члены заседания ощутили свободу для высказывания своих мнений. Поэтому они искренне положительно характеризовали роман и аргументировали свои оценки романа с точки зрения своих представлений о критериях качества художественного произведения.

Теперь обратимся к выведению образа предполагаемого адресата выступлений.

Р. Водак, опираясь на наблюдения Гилля Сайделя, утверждает, что политический дискурс и политический текст конфликтны сами по себе, «поскольку одновременно должны быть выполнены многие функции и реализованы многие мотивы» [Водак 1997: 26]. Исследовательница, объясняя отражение работы идеологической машины в дискурсе, говорит, что текст призван «убеждать, агитировать, пропагандировать», при этом должна быть очевидной связь каждого его конкретного пункта «с убедительной идеологией данной партии, <...> т. е. каждое требование, каждый поступок должны быть аргументативно связаны с ценностями, традициями и идеологией» [Там же]. Поэтому вероятнее всего предположить, что с точки зрения постулатов Качества писатели аргументировали свои оценки для тех адресатов, которые не были расположены высказываться и, возможно, придерживались отрицательной оценки романа.

Роман был выдвинут на Сталинскую премию.

4. Образы авторов и адресатов выступлений на заседании 16 января 1953 года

Октябрьское заседание секции прозы Союза советских писателей проходило в атмосфере обострения государственного антисемитизма, проявившегося в так называемом «деле врачей». «Первой жертвой „дела врачей“ стал профессор Яков Этингер — личный врач Берии. <...> Осенью 1952 года

последовал арест девяти виднейших врачей, среди которых был и личный врач Сталина В. Н. Виноградов, а также профессора Вовси, Фельдман, Гирнштейн <Так в тексте. Видимо, Гринштейн. — И. Б.>, Яков Раппопорт и другие» [История России 2009: 257].

13 января 1953 года в газете «Правда» появилась статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», «обвинявшая ведущих профессоров медицины в том, что они, в сговоре с американской разведкой и сионистскими организациями, убивали советских лидеров и военачальников» [Там же: 256]. В статье, в частности, говорилось: «Участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, злодейски подрывали здоровье последних... Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища Жданова, умышленно скрыли имеющийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища Жданова... Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, советский народ раздавит, как омерзительную гадину» [Там же: 256—257]. Появление этой статьи официально оформило отношение власти к интеллигентам с еврейскими фамилиями и, следовательно, обусловило отрицательную оценку романа В. Гроссмана.

Через три дня после публикации статьи в газете «Правда», 16 января 1953 г., «состоялось обсуждение романа на редакционном совете издательства „Советский писатель“. Председатель — главный редактор издательства Николай Васильевич Лесючевский» [Берзер 1990: 153].

Заседание редакционного совета издательства «Советский писатель» 16 января 1953 года повторило модель заседания 13 октября 1952 года: присутствовавшие на нем писатели аргументировали данную «сверху» оценку, на этот раз — отрицательную.

Проанализируем образы авторов выступлений.

«Докладчиком, — вспоминает А. Берзер, — на заседании была старший редактор издательства Клавдия Сергеевна Иванова.

Клавдия Сергеевна Иванова в этих обстоятельствах не случайно оказалась редактором романа Гроссмана. Ее задача — провести роман через редсовет. Она уже написала свое редакционное заключение. Она встречалась с Василием Семеновичем и ссылается на его слова. Она знает об отношении Фадеева. Говорит открыто и прямо о героическом образе народа в романе „За правое дело“.

„Это очень большой труд. Автор посвятил ему десять лет. Неоднократно роман перерабатывался, дважды был в ЦК партии, дважды его редактировал Александр Александрович Фадеев. Последняя редакция романа — Фадеева“ [Там же: 154—155].

Как видно, автор, несмотря на известную официальную точку зрения, дает положительную оценку роману, на основании чего можно утверждать, что автор является мужественным и принципиальным человеком, стремящимся в любых обстоятельствах отстаивать свою точку зрения.

Остальные члены заседания дали роману безоговорочно отрицательную оценку. При этом отрицательную оценку они поддерживали так называемыми произвольными доводами, не связанными с выдвинутыми тезисами [ср.: Купина 2012; Никифорова 2013]. С. И. Поварнин характеризовал произвольные доводы как «вовсе не очевидные и не доказательные», т. е. такие, которые не могут являться аргументом, т. к. сами не доказаны [Поварнин 1994: 105].

Рассмотрим выступление И. Арамилева.

«И вот, — продолжает А. Берзер, — выступает Иван Арамилев. Ведет он свою речь так, будто всем и давно хорошо известно, какой это неудачный и порочный роман... И начинает топтать, топтать: „В качестве эпопеи роман не выдерживает критики“, „Защитники Сталинграда даны без биографии, без психологии, без раскрытия душевного мира. Они обеднены чрезвычайно“. <...>

„Батальонный комиссар Крымов... Не знаю, почему товарищ Иванова называет его крупным политработником... О нем сказано очень много. Он тоже ничего не делает... Такая фигура, как Штрум... Я не понимаю роли этого персонажа в романе, его назначения“. <...>

„Видимо, автор хотел изобразить Штрума чем-то вроде идейно-философского фонаря, который освещает события. Но Штрум — не фигура! Свет этого фонаря тусклый, фальшивый“, — повторялся Арамилев. <...>

„Я считаю, — заявляет Арамилев, — очень серьезным недостатком изображение Гитлера. Давайте вспомним, как Фейхтвангер изображал фашизм — он видел основное зло фашизма в его отношении к еврейству, и с этих позиций еврейского буржуазного националиста он изображает фашизм... И естественно, когда американский фашизм снял этот лозунг, у Фейхтвангера не оказа-

лось никаких разногласий с американским фашизмом...“ [Берзер 1990: 157].

«„Что получилось у Гроссмана? — продолжает Арамилев. — Он раскрывает Гитлера на еврейском вопросе, показывает разногласия между Гитлером и Гиммлером — Гиммлер хочет уничтожить евреев с музыкой и цветами, а Гитлер — поделовому. Выпячивается на первый план эта проблема, как будто бы самое характерное, с точки зрения Гроссмана, в фашизме. И, естественно, что здесь Гроссман скатывается на сионистские позиции Фейхтвангера, а надо раскрывать фашизм в том плане, как это сделано товарищем Сталиным...“ [Там же: 157—158].

Как видно, аргументы, приводимые И. Арамилевым в поддержку отрицательной оценки романа — *В качестве эпопеи роман не выдерживает критики; Защитники Сталинграда обеднены чрезвычайно; непонимание мнения К. С. Ивановой и непонимание роли Штрума в романе; название очень серьезным недостатком изображение Гитлера; Гроссман скатывается на сионистские позиции Фейхтвангера*, — не объясняют высказываемое мнение, а сами требуют доказательства. Именно такие аргументы С. И. Поварнин называл произвольными доводами.

Кроме того, И. Арамилев использует палочные доводы. С. И. Поварнин писал, что «палочным доводом называется довольно некрасивая уловка, состоящая в том, что приводят такой довод, который противник, по соображению софиста, должен принять из боязни чего-нибудь неприятного, часто опасного, или на который он не может правильно ответить по той же причине и должен или молчать, или придумывать какие-нибудь „обходные пути“». — Это, в сущности, разбой в споре» [Поварнин 1994: 69].

Примером палочных доводов в выступлении И. Арамилева является обвинение В. Гроссмана в том, что он *скатывается на сионистские позиции Фейхтвангера*, и утверждение, что *надо раскрывать фашизм в том плане, как это сделано товарищем Сталиным*. Естественно, что такие заявления вызывали *боязнь* не только за судьбу романа, но и за свою жизнь и заставляли человека либо молчать, либо искать обходные пути для ответа.

Далее выступавшие писатели вслед за И. Арамилевым использовали произвольные и палочные доводы.

«Анна Караваева, — продолжает А. Берзер, — спорит с Ивановой о композиции: композицию надо менять. „Очень большие претензии у меня к образу Крымова“, — говорит она. И у нее, как у Арами-

лева, „*есть беспокойство относительно выпячивания еврейского вопроса*“.

Один герой, по мнению Караваевой, „действует мало“, другой — много... Почему один куда-то поехал, а другой — оттуда уехал?» [Берзер 1990: 159].

Как видно, А. Караваева приводит произвольные доводы, не объясняя, почему композицию надо менять и почему у нее очень большие претензии к образу Крымова. Палочным доводом в ее выступлении является сообщение о том, что у нее *есть беспокойство относительно выпячивания еврейского вопроса*.

«Александр Чаковский <...> „О некоторых вещах мы должны условиться сейчас“, — считает Чаковский. „То, что говорила товарищ Иванова, принять все-таки нельзя, потому что издательство не будет гарантировано тогда...“ Так фактически он и Ивановой выражает недоверие. „...Мне кажется, — продолжает Чаковский, — что надо раз и навсегда решить вопрос о героях. Я абсолютно не согласен с Ивановой... Мы должны стоять на точке зрения правильного подсказывания автору его недостатков...“ <...>

„Таким образом, мне кажется, что это вопрос бесспорный, и мы должны со всей серьезностью указать Гроссману на то, чтобы он стал здесь на правильный исторический путь“» [Там же: 161].

Как видно, А. Чаковский приводит произвольные доводы, не объясняя, в чем он не согласен с точкой зрения К. С. Ивановой, как он предлагает решить вопрос о героях и в чем заключается правильное подсказывание автору его недостатков и правильный исторический путь. В то же время доводы о правильности являются палочными, поскольку против *правильного* возражать нельзя.

«Выступает потом критик И. Гринберг, который за свою жизнь написал много статей и книг. Он, как всегда, „согласен с товарищами, которые очень верно и с разных сторон“ подошли к роману. Но выдвигает и новое обвинение: „...То, что Гроссман погубил в самом начале Сталинградской битвы Вавилова, который и появился-то в романе как представитель народных масс, как русский колхозник, гвардии колхозный активист...“.

Потом Гринберг присоединяется к тому, о чем, по его словам, „первым заговорил Иван Андреевич Арамилев...“

„Говорить об истреблении евреев — это значит говорить об одном внешнем проявлении...“» [Там же: 161—162].

И. Гринберг также приводит произвольные доводы, не объясняя, в чем заключается вер-

ная оценка романа и почему он ставит в вину В. Гроссману, что в романе погибает неглавный герой. Палочным доводом является упоминание об истреблении евреев.

Таким образом, анализ выступлений писателей на обсуждении романа В. Гроссмана дает основания для выведения следующего образа автора. Выступавшие не руководствовались какими-либо критериями оценки романа и, не опираясь на логически некорректную аргументацию, высказывали негативную оценку романа, чего ожидала от них власть.

По мнению Т. А. ван Дейка, изложение идеологии не требует аргументации. Вот что он пишет: «Идеология — это просто набор убеждений и оценок. Ее социокогнитивная природа включает в себя большее количество элементов. <...> Идеология представляет собой комплексную когнитивную систему, контролирующую формирование, трансформирование и применение других социальных знаний, таких как мнения и оценки, а также социальных репрезентаций, включая и социальные предубеждения. Эта идеологическая система состоит из социально релевантных норм, целей и принципов, которые отобраны, соотношены и применены таким образом, чтобы они могли поддерживать восприятие, интерпретацию и действия в социальных практиках, направленных на защиту базовых интересов группы. В этом случае идеология предписывает когерентность социальных оценок, что в свою очередь тоже детерминирует социальные практики. Нужно подчеркнуть, что идеологические социальные знания — это система убеждений или мнений, принадлежащих не индивидам, а, главным образом, членам социальных формаций и институтов» [Ван Дейк 2015: 54].

Теперь обратимся к выведению из речей выступавших образа их предполагаемого адресата.

Аргументация К. С. Ивановой была направлена сторонникам негативной оценки романа. Зная отрицательную оценку романа, она выбрала аргументы, которые были связаны не с правдивостью или психологизмом, а, во-первых, с длительным сроком написания романа (*Автор посвятил ему десять лет. Неоднократно роман перерабатывался*), во-вторых, с его оценкой партийными органами и непосредственно А. Фадеевым (*Роман дважды был в ЦК партии, дважды его редактировал Александр Александрович Фадеев. Последняя редакция романа — Фадеева*).

Остальные писатели понимали, что от них требуются формальные выступления с отрицательной оценкой романа. Следовательно, вместо содержательной аргументации они приводили бездоказательные произвольные доводы.

В своей статье о дискуссиях сталинского времени В. Н. Базылев говорит о том, что при всей неоднозначности и противоречивости оценок дискурсивной практики и всей эпохи второй четверти XX в. «не подлежит сомнению, что в основании той дискурсивной практики лежала идея пересмотра содержания реальности как исходной точки новой картины мира. Реальность при этом воспринималась как культурный акт творения, совершаемый автором» [Базылев 2014: 23—25].

Страна и ее культура жили под давлением разработанного еще Лениным принципа партийности, призванного придавать «знанию и его речевому воплощению пропагандистский характер» [Романенко 2003: 73—74]. Партийность являлась той категорией, которая семантически разграничивала «своих» и «чужих», так как характеризовала только советскую риторику и, следовательно, отсутствовала у врагов. И поэтому, если человек не придерживался принципа партийности, он автоматически попадал во «враги».

Выводы

Подводя итог, можно сказать следующее.

1. Лингвистический анализ текстов публичных выступлений советского периода дает основания для реконструкции образов их автора и предполагаемого адресата.

2. Во время первого заседания по выдвижению романа В. Гроссмана «За правое дело» на Сталинскую премию его участники были осведомлены об официальной положительной оценке романа, вследствие чего свободно и искренне высказывали различные аргументы в ее пользу, показывая свою приверженность к разным критериям оценивания литературного мастерства.

3. Во время второго заседания по осуждению романа В. Гроссмана «За правое дело» его участники были осведомлены об официальной негативной оценке романа, вследствие чего, соблюдая видимость обсуждения, аргументировали ее произвольными доводами, носившими голословный характер.

4. Адресатом публичных речей в обоих случаях была власть, и поэтому либо высказываемые писателями мнения не должны были расходиться с ее точкой зрения, либо аргументация должна была строиться на критериях, разделяемых властью, как это было в речи К. С. Ивановой.

Очень четко определил особенности риторики советского времени сам В. Гроссман. В повести «Все течет» он писал: «Хотя принцип государства без свободы требовал, чтобы именно так обстояло дело, чтобы Сталин решал все вопросы без изъятия. Но физически это оказалось невозможно, и вто-

ростепенные вопросы решали доверенные люди Сталина, решали всегда одинаково в духе Сталина.

Только поэтому они были доверенными людьми Сталина или доверенными его доверенных. Их решения были объединены одной общей чертой — независимо от того, касались ли они постройки гидроэлектростанции в нижнем течении Волги либо посылки на двухмесячные курсы доярки Анюты Феоктистовой — они выносились в духе Сталина. Суть ведь была в том, что дух Сталина и дух государства были едины.

Доверенные Сталина-Государства сразу были видны на любых заседаниях, собраниях, летучках, съездах — с ними никто никогда не спорил: они ведь говорили именем Сталина-Государства.

То, что государство без свободы всегда действовало от имени свободы и демократии, боялось ступить шаг без упоминания ее имени, свидетельствовало о силе свободы. Сталин мало кого боялся, но постоянно и до конца своей жизни он боялся свободы, — убив ее, он заискивал перед ею мертвой» [Гроссман 2005: 532].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардов М. Легендарная Ордынка. Портреты: воспоминания. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.
2. Базылев В. Н. Сталинские дискуссии: дискурсивные параллели // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 23—29.
3. Бакланова И. И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: сходства и различия // Русский язык в школе. 2012. № 10. С. 59—65.
4. Бакланова И. И. О соотношении источников сведений об образе автора и образе адресата мемуарного текста // Гуманитарный вектор. 2013. № 4. С. 33—39.
5. Бакланова И. И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста. — М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2014.
6. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ... д-ра филол. наук. — М.: Институт русского языка, 1990.
7. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Собр. соч.: в 7 т. / М. М. Бахтин. — М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 287—297.
9. Берзер А. Прощание // Жизнь и судьба Василия Гроссмана / С. И. Липкин. Прощание / А. Берзер. — М.: Книга, 1990.
10. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2015.
11. Виноградов В. В. О теории художественной речи. — М.: Высшая школа, 1971.
12. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. С. 176—239.
13. Водак Р. Лингвопрагматика // Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. — Волгоград: Перемена, 1997. С. 24—34.
14. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981.
15. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. Вып. 25. С. 9—19.
16. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. С. 217—237. (Новое в зарубежной лингвистике; вып. 16).

17. Гроссман В. С. Избранное. В городе Бердичеве. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005.
 18. История России. XX век: 1939—2007. — М.: Астрель : АСТ, 2009.
 19. Купина Н. А. Советский конформизм в зеркале языка // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 27—32.
 20. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. URL: http://modernlib.ru/books/mandelstam_nadezhda_yakovlevna/vospominaniya/read/ (дата обращения: 26.07.2013).
 21. Мищук О. Н. Аргументативные ошибки как ракурс персуазивного речевого воздействия в публичных политических выступлениях (на материале публичных выступлений Б. Обамы) // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 13—17.

22. Никифорова О. О. Дескридация противника в парламентских дебатах // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 129—135.
 23. Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора. — Псков : Изд-во Псков. обл. ин-та усовершенствования учителей, 1994.
 24. Романенко А. П. Образ ратора в советской словесной культуре. — М.: Флинта : Наука, 2003.
 25. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Семиотика искусства / Б. А. Успенский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 9—218.
 26. Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка. — М.: ИНФРА-М, 2012.
 27. Червински П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 55—73.

I. I. Baklanova
 Moscow, Russia

PUBLIC SPEECHES OF THE SOVIET PERIOD: THE IMAGE OF THE AUTHOR AND THE IMAGE OF THE ADDRESSEE (BASED ON THE V.GROSSMAN'S NOVEL INTERPRETATION "FOR A JUST CAUSE")

ABSTRACT. *The paper studies implicit representation of the images of the author and addressees in public speeches of the Soviet period. The material for this research are the records of meetings to discuss V.Grossman's novel "For a Just Cause". The first meeting was held on October 13, 1952, it was connected with the nomination of the novel for Stalin's award. The second meeting took place on January 16, 1953 and was caused by the "Doctor's plot". It is shown that the image of the author may be brought out from the content of the novel on the basis of B.A. Uspensky's typology of observer's views; the image of the addressee may be accumulated on the basis of the postulates of verbal communication by H.P. Grice and the accounts of how the information is presented in the text. The analysis showed that the images of the public speeches authors indicate devotion of the Soviet writers to the principles of the Soviet rhetoric. The image of an addressee shows that the text addressed the authorities, whose support was so important for the writers, rather than the participants of the meetings. During the first meeting its participants were aware of the positive evaluation of the novel by the authorities and they gave arguments for the novel, showing their commitment to different criteria of literary work assessment. During the second meeting, the participants new about the negative evaluation of the novel, and as a result they gave different arguments against it, most of which were proofless.*

KEYWORDS: *the image of author; the image of addressee; public speech; the Soviet period; political discourse; political rhetoric; Russian literature; Russian writers.*

ABOUT THE AUTHOR: *Baklanova Irina Ivanovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Ardov M. Legendarnaya Ordynka. Portrety: vospominaniya. — М.: B.S.G.-Press, 2001.
2. Bazylev V. N. Stalinskie diskussii: diskursnye paralleli // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48). С. 23—29.
3. Baklanova I. I. Obraz avtora i obraz adresata nekhudozhestvennogo teksta: skhodstva i razlichiya // Russkiy yazyk v shkole. 2012. № 10. С. 59—65.
4. Baklanova I. I. O sootnoshenii istochnikov svedeniy ob obraze avtora i obraze adresata memuarnogo teksta // Gumanitarnyy vektor. 2013. № 4. С. 33—39.
5. Baklanova I. I. Obraz avtora i obraz adresata nekhudozhestvennogo teksta. — М.: Gos. IRYa im. A. S. Pushkina, 2014.
6. Baranov A. N. Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyy podkhod) : dis. ... d-ra filol. nauk. — М.: Institut russkogo yazyka, 1990.
7. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku : ucheb. posobie. — М.: Editorial URSS, 2001.
8. Bakhtin M. M. Yazyk v khudozhestvennoy literature // Sobr. soch. : v 7 t. / M. M. Bakhtin. — М.: Russkie slovari, 1996. T. 5. S. 287—297.
9. Berzer A. Proshchanie // Zhizn' i sud'ba Vasiliya Grossmana / S. I. Lipkin. Proshchanie / A. Berzer. — М.: Kniga, 1990.
10. Van Deyk T. A. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — М.: URSS : LIBROKOM, 2015.
11. Vinogradov V. V. O teorii khudozhestvennoy rechi. — М.: Vysshaya shkola, 1971.
12. Vinogradov V. V. Stil' «Pikovoy damy» // O yazyke khudozhestvennoy prozy / V. V. Vinogradov. — М.: Nauka, 1980. S. 176—239.
13. Vodak R. Lingvopragmatika // Yazyk. Diskurs. Politika / R. Vodak. — Volgograd : Peremena, 1997. S. 24—34.
14. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — М.: Nauka, 1981.
15. Gol'din V. E., Sirotinina O. B. Vnutrinatsionalnye rechevye kultury i ikh vzaimodeystvie // Voprosy stilistiki. Problemy kultury rechi. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1993. Vyp. 25. S. 9—19.
16. Grays G. P. Logika i rechevoe obschenie // Lingvisticheskaya pragmatika. — М.: Progress, 1985. S. 217—237. (Novoe v zarubezhnoy lingvistike ; vyp. 16).
17. Grossman V. S. Izbrannoe. V gorode Berdicheve. — Ekaterinburg : U-Faktoriya, 2005.
18. Istoriya Rossii. KhKh vek: 1939—2007. — М.: Astrel' : AST, 2009.
19. Kupina N. A. Sovetskiy konformizm v zerkale yazyka // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). С. 27—32.
20. Mandel'shtam N. Ya. Vospominaniya. URL: http://modernlib.ru/books/mandelstam_nadezhda_yakovlevna/vospominaniya/read/ (data obrashcheniya: 26.07.2013).
21. Mishchuk O. N. Argumentativnye oshibki kak rakurs persuazivnogo rechevogo vozdeystviya v publichnykh politicheskikh vystupleniyakh (na materiale publichnykh vystupleniy B. Obamy) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48). С. 13—17.
22. Nikiforova O. O. Deskrityatsiya protivnika v parlamentskikh debatakh // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). С. 129—135.
23. Povarnin S. I. Spor. O teorii i praktike spora. — Pskov : Izd-vo Pskov. obl. in-ta usovershenstvovaniya uchiteley, 1994.
24. Romanenko A. P. Obraz ratora v sovetskoy slovesnoy kul'ture. — М.: Flinta : Nauka, 2003.
25. Uspenskiy B. A. Poetika kompozitsii // Semiotika iskusstva / B. A. Uspenskiy. — М.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995. S. 9—218.
26. Fedosyuk M. Yu. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. — М.: INFRA-M, 2012.
27. Chervinski P. Yazyk sovetskoy deystvitel'nosti: semantika pozitiva v oboznachenii lits // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). С. 55—73.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.